

Ирина Мочалова

Неписаная философия Платона
как проблема современного платоноведения

IRINA MOCHALOVA
PLATO'S UNWRITTEN PHILOSOPHY
AS A PROBLEM OF CONTEMPORARY PLATONIC STUDIES

ABSTRACT. The article deals with Plato's unwritten philosophy which is considered in the context of the main areas of Platonic studies. The first part describes the peculiarities of the understanding of the unwritten doctrine in Antiquity. It is shown that by the end of the 18th century no one questioned the existence of Plato's esoteric teachings. In most studies of the 19th — early 20th centuries, this approach persevered. Even recognizing the existence of an inner-school oral tradition in the Academy, the leading researchers followed the ancient authors in not considering the unwritten philosophy a significant component of Plato's doctrine. The author analyses the reasons of the increased attention to Plato's 'oral tradition' in the second half of the 20th century and points out the specialities of the unwritten doctrine's interpretation in the Tübingen school. By the end of the 20th century, this approach evolves: oral tradition and written dialogues are now accepted as non-contradictory and even complementing each other. This interpretation allows to reconcile Plato-metaphysician (dogmatic approach) with Plato-playwright (alternative dramatic approach), making the esoteric tradition popular in contemporary Platonic studies. The second part of the article examines the state of Platonic studies in Russia. In conclusion, the author emphasizes the necessity of critical comprehension of the esoteric tradition.

KEYWORDS: Plato, Aristotle, unwritten philosophy, Platonic studies, esoteric tradition, Platonic studies in Russia.

© И.Н. Мочалова (Санкт-Петербург). mochalova@yandex.ru. Санкт-Петербургский государственный университет.

τὸ δ' ἡμέτερον παρακλητέον, ἢ ῥᾶσ' ἄν ὑμεῖς μὲν μάθοιτε, ἐγὼ δὲ ἢ διανοοῦμαι μάλιστα' ἄν περὶ τῶν προκειμένων ἐνδειξάμην.

...к самим себе нам следует воззвать, дабы вы наилучшим образом меня понимали, а я возможно более правильным образом развивал свои мысли.

Plat. Ti. 27d2–4 (пер. С.С. Аверинцева)

Элиан, противопоставляя Аристотеля Платону и желая подчеркнуть скромность, доброту и благородство последнего, рассказывает следующую историю:

Платон, сын Аристана, жил в Олимпии под одним кровом с людьми, которых он не знал и которым был тоже незнаком. За время совместной жизни он столь расположил к себе и очаровал их своим обхождением, что они не могли нарадоваться этой встрече. Философ не упоминал в разговорах ни Академии, ни Сократа, сказал только, что его зовут Платоном. Когда эти люди попали в Афины, Платон принял их чрезвычайно гостеприимно, и они попросили его: «Покажи-ка нам своего тезку, ученика Сократа, сведи нас в Академию и познакомь с ним, чтобы нам его послушать». На это Платон по своей привычке слегка улыбнулся и сказал: «Это же я»¹.

Читая эту историю, думаешь, как похожи на жителей Олимпии, у которых остановился Платон, исследователи, на протяжении веков изучающие тексты Платона: очарованные великим мыслителем, они все же никак не могут его узнать.

Неписаное учение Платона: история вопроса

Среди многочисленных нерешенных платоноведческих проблем, периодически вызывающих оживленные дискуссии, особое место занимает проблема так называемой «неписаной философии» Платона.

Действительно, ряд свидетельств о неписаном, устном учении Платона сохранился в античной традиции. В частности — правда, лишь однажды, — Аристотель, анализируя взгляды Платона

¹ Ael. Var. hist. 4.9 (пер. С.В. Поляковой).

на материю и пространство, упоминает в «Физике» о так называемых «неписаных учениях» (ἀγράφοις δόγμασιν) Платона (Arist. Ph. 209b13–16). Сопоставляя «Тимей» и «неписанные учения», Аристотель отмечает терминологические различия, но подчеркивает содержательное сходство излагаемых Платоном взглядов. Такой подход характерен для всей античной традиции в целом: противопоставление в ней диалогов устным учениям Платона отсутствует. Отмечу, что у Аристотеля мы не находим характеристики устного учения как учения особенного, сложного или предназначенного только подготовленным ученикам². Напротив, если верить Аристоксену, Аристотель, как следует из контекста данного пассажа «Начал гармонии», обсуждая вопросы преподавания, всегда приводил рассказ о публичной лекции Платона «О благе»³ в качестве примера того, что неправильно выступать перед неподготовленной заранее аудиторией. Аристоксен следующим образом передает рассказ Аристотеля о лекции Платона:

Каждый пришел, думая узнать что-нибудь о так называемых общечеловеческих благах⁴: богатстве, здоровье, силе и вообще каком-то необыкновенном счастье. Когда же оказалось, что речь идет о науках и числах, о геометрии и астрологии и, наконец, о том, что благо есть единое, то они, как я полагаю, были совершен-

---

² В этом отношении в качестве ключевого может быть рассмотрен очерк философии Платона, представленный в первой книге «Метафизики» (Arist. Met. 987a29–988a17 = Test. Plat. 9 Krämer = 22 A Gaiser). Аристотель излагает и учение об идеях, содержащееся в диалогах, и учения, по мнению современных исследователей составляющие эзотерическую метафизику, не противопоставляя их и не указывая на особенный характер последних.

³ По мнению И. Дюринга, лекция «О благе» была прочитана после создания «Софиста» и до написания VII письма, т.е. не позднее 355 года (Düring 1956: 114). Ср.: Thesleff 1982: 201–202. Обзор литературы и анализ дискуссий см.: Guthrie 1978: 424–426.

⁴ В «Законах» Платон перечисляет, что большинство называет благом: «говорят обычно, будто самое лучшее — это здоровье, во-вторых, красота, в-третьих, богатство...» (Lg. 661a, пер. А.Н. Егунова под ред. И.И. Маханькова).

но сбиты с толку, и тогда одни исполнились презрения к сказанному, а другие даже бранили его⁵.

Однако у авторов II–III вв. эзотерический мотив уже встречается. Например, Диоген Лаэртский следующим образом объясняет причины терминологических различий, имеющихсся у Платона: «Словами Платон пользовался очень разными, желая, чтобы его учение не было легкоуяснимым для людей несведущих»⁶. Схожее объяснение находим в «Учебнике платоновской философии» Алкиноя (II в. н.э.): «Он (Платон — И.М.) полагает, что драгоценнейшее и величайшее благо нелегко найти, а найдя — трудно объяснить всем. Это он изложил в беседе *О благе* избранным и особенно близким ему ученикам»⁷.

Именно с лекцией (ἀκρόασις) или беседой (συνουσία) Платона «О благе» (Περὶ τὰ ἄγαθῶν), обращенной к близким ученикам, связывает устное учение философа Александр Афродисийский. Как сообщает со ссылкой на него Симпликий, об этом можно узнать от Аристотеля, Спевсиппа, Ксенократа и других, кто присутствовал на лекции Платона «О благе», «ведь они записали и сохранили то, чему он учил»⁸. Работа Аристотеля «О благе», состоявшая согласно списку Диогена Лаэртского из трех книг (D.L. 5.22), содержала, вероятно, не только изложение платоновской мысли, но и его собственную концепцию блага, а возможно, и какие-то критические замечания. Кроме того, название Περὶ τὰ ἄγαθῶν встречается в списках работ Гераклида Понтийского (D.L. 5.87) и Ксенократа (D.L. 4.13). Возможно, изложение этой лекции было и у Гер-

⁵ Aristox. Elem. harm. 2.39–40 Da Rios. = Test. Plat. 1 Krämer = 7 Gaiser (пер. С.В. Месяц с небольшим изменением).

⁶ D.L. 3.63 (пер. М.Л. Гаспарова).

⁷ Didasc. 27.1 (пер. Ю.А. Шичалина). «Учебник платоновской философии» долгое время приписывался Альбину. Как теперь установлено, его автором был Алкиной (см. Шичалин 2008).

⁸ In Arist. Ph. 151.6–19 = Test. Plat. 2 Krämer = 8 Gaiser. В другом месте (In Arist. Ph. 453.22–30 = Test. Plat. 3 Krämer = 23 B Gaiser) среди слушателей Платона Симпликий называет Гераклида и Гестиея, также учеников Платона.

модора, другого ученика Платона, написавшего о своем учителе книгу (Simpl. In Arist. Ph. 247.32–34).

Неудивительно поэтому, что вплоть до конца XVIII века существование эзотерического учения Платона не подвергалось сомнению. Анализировали его такие крупные ученые прошлого века, как К. Германн, Э. Целлер, У. Виламовиц-Меллендорф, П. Фридендер и другие, но, признавая эзотеризм бесспорным фактом биографии Платона, они не рассматривали его как проблему принципиально важную для понимания всего платоновского творчества, разделяя концепцию «нейтральности» эзотерических учений Платона, развитую Э. Целлером и ставшую своего рода эталоном суждений о платоновском эзотеризме в платоноведении XIX – начала XX веков⁹.

Новые стратегии в платоноведении:

был ли Платон систематическим философом?

Причиной внимания к устному Платону во второй половине XX века стало осознание тех результатов, которые были достигнуты за более чем столетнюю историю интенсивных платоноведческих исследований: несмотря на огромное число работ, посвященных творчеству Платона, задача, поставленная еще Ф. Шлейермахером в 1804 году¹⁰, оказалась неразрешимой – тщательный анализ диалогов так и не позволил раскрыть скрытую от глаз исследователей систему философии великого Платона.

Уверенность в существовании такой системы и стремление найти ее и привели к смене стратегии поиска. Отвергая, вслед за В. Йегером и его последователями, системный характер платоновского учения, изложенного в диалогах, представители тюбингенской школы истории философии, ученики В. Шадеваль-

---

⁹ Подробнее см. Tigerstedt 1977: 40–62.

¹⁰ В этом году вышел первый том сочинений Платона на немецком языке в переводе Ф. Шлейермахера. Платоновский текст предваряло обширное введение, в котором переводчик изложил свое понимание философии Платона. Анализ введения Шлейермахера см. Krämer 1990: 3–13. Ср. Szlezák 2004.

да — Ганс Йоахим Кремер (1929–2015) и Конрад Гайзер (1929–1988) предположили, что «система» философии у Платона все же существовала, только искать ее следует за пределами диалогов, в области устного «эзотерического» творчества философа. В основе предложенной интерпретации лежало безусловное доверие к свидетельствам Аристотеля. Критикуя Платона, Аристотель в «Метафизике» достаточно подробно излагает его учения: учение о двух высших началах — Едином и Двоице («большое и малое»), учение об идеях-числах и учение о математических предметах как промежуточных между эйдосами и чувственно воспринимаемыми вещами. Однако в той форме, в какой они изложены в «Метафизике», учения отсутствуют в диалогах, а их основные положения противоречат тому, о чем пишет сам Платон. В этом случае доверие к свидетельствам Аристотеля означает признание противоречия между учением диалогов и «неписаной» философией, т.е. переносится вглубь собственно философии Платона, в свою очередь требуя объяснения.

В своих фундаментальных трудах Г. Кремер¹¹ и К. Гайзер¹² решают данное противоречие указанием на истинность «неписаного» учения, отводя диалогам лишь протрептическую и пропедевтическую роль. По мнению тюбингенцев, подлинный Платон — это создатель систематической метафизики Бытия, онтологии, во многом схожей с онтологией неоплатоников. По мнению Г. Кремера, в качестве общего принципа всех данных систем может рассматриваться возможность производить сущее из некоторого сверхсущего основания¹³.

Однако пренебрежение платоновскими диалогами привело эзотеристов к столкновению с рядом новых трудностей. В частности, если анализ диалогов позволяет говорить об определенном развитии взглядов Платона, выделить этапы его творчества,

---

¹¹ Krämer 1959 (ср. рецензию Vlastos 1963: 641–655); Krämer 1964.

¹² Gaiser 1959; Gaiser 1963.

¹³ Анализ позиции тюбингенцев см. Tigerstedt 1977: 63–64, 85–92; Васильева 1977: 127–132; Геворкян 1990: 179–184.

то рассмотрение источников «неписаной» философии приводит к необходимости отрицать какое-либо развитие Платоном своего истинного философского учения, хотя, по мнению тюбингенцев и их сторонников, оно создавалось Платоном одновременно с ранними диалогами.

Дальнейшее развитие «тюбингенской парадигмы» состояло в поисках некоторого единства устного и письменного творчества Платона, иначе говоря, единства Платона-метафизика и Платона-писателя, автора диалогов. В частности, К. Гайзер ввел развитие в систему Платона, выдвинув понятие «гипотетической и открытой» системы, а Г. Кремер обосновал теорию «имманентной интерпретации» диалогов. Несмотря на существующие различия, общим стало стремление по-новому прочесть диалоги Платона и уже в них увидеть скрытое от поверхностного чтения выражение подлинной платоновской метафизики. Оценки такой стратегии оказались диаметрально противоположными: сторонники тюбингенцев увидели в предложенном подходе долгожданный ключ к пониманию диалогов (к их числу, несмотря на частные различия, можно отнести, например, Т. Слезака, Дж. Реале, С. Месяц и др.), противники — попытку спасти расшатываемую внутренними противоречиями концепцию «неписаной» философии (так, в частности, оценил интерпретацию тюбингенцев Э. Тигерстедт¹⁴).

Как уже отмечалось, реконструкция устного учения Платона основывается на свидетельствах, так или иначе восходящих к Аристотелю. В конечном счете, именно их адекватная оценка может быть основанием для разрешения спора между сторонниками и противниками неписаной философии. Наиболее последовательное критическое исследование аристотелевского прочтения Платона было предпринято американским филологом и историком античной философии Гарольдом Черниссом (1904–1987). Во введении к своему фундаментальному труду (к сожалению, так и незавершенному) «Аристотелевская критика Платона и Акаде-

---

¹⁴ Tigerstedt 1977: 90–91.

мии», он отмечал, что «в настоящее время ученые рассматривают сообщения Аристотеля о Платоне, главным образом, как свидетельство того, что сам Платон говорил и думал, и не интересуются весом и значением приписываемого ему Аристотелем учения» (Cherniss 1944: ix). Предпринятый анализ привел Чернисса к выводу, что противоречие между диалогами Платона и сообщениями Аристотеля, наряду с некоторыми другими источниками о «неписаном» учении, следует рассматривать как противоречие между учением Платона и его интерпретацией в Академии. По мнению исследователя, ученики Платона знали учителя только как автора диалогов, они оценивали и критиковали только те учения, которые были представлены в диалогах, в ряде случаев произвольно истолковывая и искажая их. В частности, Г. Чернисс отказался признать принадлежащими самому Платону и отождествление идей и чисел, и диалектическую схему онтологической иерархии идей, и само понятие «неопределенной двойцы», что, по мнению эзотеристов, и составляет теоретическую основу устного платоновского учения. Как полагал Г. Чернисс, все эти учения возникли в недрах Академии в результате истолкования диалогов Платона и самостоятельного творчества его учеников. Задача же состоит в том, чтобы объяснить, почему в середине IV века до н.э. именно такая интерпретация стала возможной и получила распространение. Для этого следует «прояснить ситуацию внутри Ранней Академии, а именно установить отношение философии Аристотеля к философским системам других учеников Платона, определить их сходство и различия, и, наконец, выяснить отношение их всех к Платону и его учению» (Cherniss 1944: xxv)¹⁵.

Оценивая сделанное спустя более чем полвека, можно сказать, что многие из поставленных в середине прошлого века проблем по-прежнему далеки от решения, а консенсус в отношении пони-

---

¹⁵ Этой же теме Г. Чернисс посвятил три лекции, прочитанные в Беркли в 1942 году и изданные позднее под общим названием «Загадка Ранней Академии», см. Cherniss 1945.

мания философии Платона вряд ли когда-нибудь будет найден. Думаю, сегодня в споре между сторонниками ставшего уже традиционным «догматического» подхода, не теряющими уверенности в возможности системной реконструкции взглядов Платона, выраженных в диалогах, и приверженцами «альтернативного Платона», рождающегося в ходе использования «драматических» или диалогических стратегий, преимущество у последних. Делая акцент не на том, *что* и *когда* сказал Платон, а на том, *как* и *почему* он это сделал, они заново прочитывают диалоги, открывая «нового Платона», Платона, который «*не* уверен в каком-либо точном ответе» и *всегда* склонен подвергнуть их точку зрения критической проверке» (Пресс 2015: 61).

Обозначенные подходы представляют крайности широкого платоноведческого спектра, в котором значимое место продолжает занимать эзотерическая традиция. Ее преимущество сегодня в том, что современный эзотеризм предлагает компромисс между двумя крайностями. С одной стороны, признается системный, догматический характер устной философии Платона, что в целом согласуется с традиционным догматическим подходом; с другой — не отрицается богатство литературной традиции. По мнению позднего Кремера, диалоги открывают «герменевтически-методический доступ к платоновской философии, тогда как непрямая традиция предоставляет лишь, так сказать, окаменевшие результаты, без доказательной демонстрации генезиса» (Кремер 2015: 27). Именно такой подход представлен в работах Томаса Александра Слезака, одного из наиболее ярких современных последователей тюрингенского платоноведения. В течение последних тридцати лет в целом ряде работ¹⁶ он отстаивает тезис о значимости устного учения Платона, вне которого письменный Платон не может быть адекватно понят. Осуществляемый Т. Слезаком синтез догматического (признание в рамках не прямой традиции «системы» Платона) и драматического (понима-

---

¹⁶ Впервые концепция Слезака обстоятельно изложена в его обширном труде «Платон и письменность философии» (Szlézak 1985).

ние диалога Платона как драмы, призванной направить читателя от письменного слова к истинному устному учению) подходов делает его интерпретацию популярной в контексте общего движения конца XX – начала XXI вв. к «новому образу Платона» (Г. Кремер), или «альтернативному Платону» (Дж. Пресс¹⁷). Завершая этот краткий обзор, нельзя не сказать о роли в этом движении итальянского историка античной философии Джованни Реале (1931–2014), ставшего блестящим популяризатором тюбингенской школы как у себя на родине, так и в российском и англоязычном платоноведении. Благодаря его исследованиям, организационной работе по изданию переводов тюбингенцев на итальянский и другие языки движение к «новому образу Платона» вышло за пределы Европы.

Неписаная философия Платона в отечественном платоноведении

В то время как западные платоноведы в революционном порыве собирали, публиковали и «читали» неписаного Платона, отечественные исследователи, даже не прислушиваясь к идущим на Западе баталиям, готовили к публикации Платона писаного. Выход в 1968 г. первого тома собрания сочинений Платона, безусловно, открыл новую страницу отечественного платоноведения. На ней рядом с именем великого древнегреческого мыслителя стояло имя его главного отечественного читателя и толкователя — А.Ф. Лосева¹⁸. Произведения Платона он понимал скорее как «обширную лабораторию мысли», живую «диалектику мифологии», чем определенного рода систему. Для Лосева Платон

---

¹⁷ Об основных стратегиях современного платоноведения см. Пресс 2015.

¹⁸ Первый том трехтомного собрания сочинений Платона открывала обширная концептуальная статья Лосева «Жизненный и творческий путь Платона», Лосев же был автором вводных статей к большинству диалогов Платона. Перу Алексея Федоровича принадлежала и статья «Платон» в «Философской энциклопедии» (Лосев 1967: 262–269), что придавало ему статус официально признанного толкователя.

был чем-то еще не совершенным, не законченным, лишь «зародышем платонизма», о котором, полагал Лосев, можно судить, только имея в виду законченный организм. Поэтому не скудные свидетельства об устном учении, а трактаты Плотина и Прокла должны были, по мысли Лосева, определять правильное чтение Платона¹⁹. Именно «лосевский» Платон на несколько десятилетий стал, а для многих и сегодня остается, единственным подлинным Платоном.

Однако монолитным, как кажется на первый взгляд, советское платоноведение не было. Фигурой, создавшей другого Платона, Платона — философа понятий и диалектика, был В.Ф. Асмус. Не считая себя специалистом-платоноведом, Асмус видел задачу в том, чтобы вполне в духе советской марксистско-ленинской традиции раскрыть идеалистическую диалектику Платона как «предшественницу идеалистической диалектики Гегеля» (Асмус 1969: 232). Реализация такой задачи оставляла за скобками все новейшие достижения платоноведения, но делала «Платона Асмуса» систематическим догматическим философом, удобным образцом для тиражирования на страницах многочисленных вузовских учебников по философии и истории философии.

Открытием неписаной философии Платона для советских читателей стала опубликованная в 1977 г. в «Вопросах философии» статья Т.В. Васильевой «Неписаная философия Платона»²⁰. Автору удалось не только раскрыть историю вопроса, но и показать всю сложность проблемы и неоднозначность предложенных решений, что делало очевидной необходимость специальных исследований. Однако призывы к ним остались не услышанными, и сейчас они звучат не менее актуально.

---

¹⁹ Думаю, А.Ф. Лосев хорошо понимал историчность своего Платона, ибо, как он сам писал в «Очерках античного символизма и мифологии», «Платонов столько же, сколько было философских эпох и сколько было философских систем и интуиций» (Лосев 1993: 684).

²⁰ Васильева 1977. За ней последовал ряд публикаций, посвященных анализу многочисленных западных работ на эту тему: Челидзе 1981; Геворкян 1990; Васильева 1993.

Действительно, несмотря на то, что с середины 90-ых годов лосевско-асмусовская традиция во многом теряет свою актуальность, становясь фактом истории, проблематика неписаной философии не вызывает интереса у отечественных исследователей²¹. В частности, будучи приверженцем институционального подхода и не разделяя взгляды эзотеристов, не считает нужным вступать в полемику по поводу неписаной философии Ю.А. Шичалин. В «Истории античного платонизма», во многом пионерской работе, неписаной философии посвящено только одно примечание (Шичалин 2000: 175, пр. 112). Лишь упоминанием дискуссии о неписаном учении Платона ограничивается Т.Ю. Бородай, автор статьи «Платон» в «Новой философской энциклопедии» (Бородай 2010), унаследовавшей от «Философской энциклопедии» советского времени высокий статус и значимость.

Одной из особенностей историко-философского процесса в России последнего десятилетия прошлого века стало активное участие в нем западных ученых. Появившиеся во множестве переводы их работ, в том числе и исследований философии Платона, существенно изменили картину платоноведения в России — прежде всего, дав слово сторонникам неписаной философии. В частности, в 1994 г. увидел свет перевод посвященного античной философии первого тома популярной в Италии многотомной «Западной философии от истоков до наших дней» Дж. Реале и Д. Антисери. Основанием предложенного в этой работе понимания философии Платона послужила уверенность Дж. Реале в том, что «мы не можем не учитывать устно выраженные доктрины, переданные устной традицией», ибо «письменный» Платон «должен читаться под знаком Платона „бесписьменного“» (Реале, Антисери 1994: 99–100).

В 2005 г. был издан перевод исследования истории и философии Ранней Академии известного историка античной философии Джона Диллона (Диллон 2005). И хотя Диллон не считает себя последовательным сторонником тьюбингенцев (Диллон 2005: 9),

---

²¹ В качестве исключения можно назвать работы: Мочалова 2000; Месяц 2010.

по его мнению было бы ошибкой рассматривать диалоги Платона в качестве его подлинного интеллектуального наследия. Диалоги — это лишь «те остатки мысли, которые, несмотря на их художественную значимость, для самого Платона были лишь „представлениями“, не лишенными смысла, однако не содержащими наиболее серьезных положений его спекулятивной философии» (ibid. 28–29). Такое утверждение вполне согласуется с интерпретацией Т. Слезака, работа которого «Как читать Платона» вышла в русском переводе в 2008 г. В предисловии к русскому изданию Томас Слезак подчеркнул, что его работы полностью опровергают «отрицателей эзотерического Платона» и на основе утверждения приоритета устности дают впервые адекватное прочтение диалогов (Слезак 2008: 12).

Такие громкие и уверенные заявления эзотеристов, с одной стороны, и традиционное для отечественной традиции отсутствие исследовательского интереса к проблеме неписаной философии Платона — с другой, приводят к ложному утверждению неписаной философии Платона в качестве доказанного исторического факта и создают уверенность в безальтернативности тезиса о неписаной философии как вершине творчества Платона. Фактически с таких позиций обращается к исследованию устной философии Платона и его центрального учения об идеях-числах С.В. Месяц. Дополняя свой текст переводом «Избранных свидетельств об устном учении» и предлагая читателю самостоятельно разобраться в вопросе, до сих пор остающемся открытым (Месяц 2010: 35), все же она не скрывает собственной позиции, где нет места сомнению в наличии у Платона устного учения. Недавние публикации переводов материалов Г. Кремера и Т. Слезака в «Платоновских исследованиях» (Кремер 2015; Слезак 2015) создают впечатление сделанного отечественным платоноведением выбора в пользу платоновского эзотеризма. Один из немногих голосов, выразивших сомнение в истинности утверждений эзотеристов, прозвучал из Франции. В частности, Моника Канто-

Спербер в изданной под ее редакцией «Греческой философии» задает ряд риторических вопросов:

Зачем отказываться от платонизма диалогов ради платонизма свидетельств, нередко очень поздних по отношению к эпохе, в которой жил и писал сам Платон? Зачем в трактовке платоновской мысли доверяться фрагментарным сообщениям учеников, содержащим воспоминания о высказанных устно положениях, а не диалогам, написанным непосредственно учителем? (Канто-Спербер 2006: 221)

Однако риторические вопросы, очевидно, не являются доказательствами. В этой ситуации критическая рефлексия оснований эзотерической традиции и обсуждение полученных результатов представляются необходимыми независимо от позиции исследователя.

Источники и литература

- Асмус 1969 — Асмус В.Ф. Платон. М.: «Мысль», 1969.
- Бородай 2010 — Бородай Т.Ю. Платон // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М.: «Мысль», 2010. С. 242.
- Васильева 1977 — Васильева Т.В. Неписаная философия Платона // Вопросы философии 11 (1977). С. 152–160.
- Васильева 1993 — Васильева Т.В. Платоновский вопрос сегодня и завтра // Вопросы философии 9 (1993). С. 110–126.
- Геворкян 1990 — Геворкян А.Т. Анализ философских реконструкций устных учений Платона // Зарубежное философское антиковедение / Ред. Д.В. Джохадзе. М.: «Наука», 1990. С. 179–194.
- Диллон 2005 — Диллон Дж. Наследники Платона: исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н.э.) / Пер. Е.В. Афонасина. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005.
- Канто-Спербер 2006 — Греческая философия / Под ред. М. Канто-Спербер; пер. В.П. Гайдамака. М.: «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2006.

- Кремер 2015 — *Кремер Г.И.* Новый образ Платона / Пер. М. Буланенко // Платоновские исследования. Вып. II (2015/1) / Под ред. И.А. Протопоповой. М.–СПб.: Платоновское философское общество; РГГУ; РХГА, 2015. С. 18–48.
- Лосев 1967 — *Лосев А.Ф.* Платон // Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 4. М.: «Советская энциклопедия», 1967. С. 262–269.
- Лосев 1993 — *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии / Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: «Мысль», 1993.
- Месяц 2010 — *Месяц С.В.* Учение Платона об идеях-числах (Приложение: Избранные свидетельства об устном учении) // Космос и душа (Выпуск второй). Учения о природе и мышлении в Античности, Средние века и Новое время / Под ред. А.В. Серёгина. М.: «Прогресс-Традиция», 2010. С. 29–82.
- Мочалова 2000 — *Мочалова И.Н.* Метафизика ранней академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля // ΑΚΑΔΗΜΕΙΑ. Материалы и исследования по истории платонизма / Под ред. А.В. Цыба. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. С. 226–348.
- Пресс 2015 — *Пресс Дж.* Альтернативный Платон / Пер. А. Гараджи // Платоновские исследования. Вып. III (2015/2) / Под ред. И.А. Протопоповой. М.–СПб.: Платоновское философское общество; РГГУ; РХГА, 2016. С. 48–64.
- Реале, Антисери 1994 — *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Античность / Пер. С. Мальцевой. М.: «Петрополис», 1994.
- Слезак 2008 — *Слезак Т.А.* Как читать Платона / Пер., предисл. и примеч. М.Е. Буланенко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.
- Слезак 2015 — *Слезак Т.А.* О значении ключевых понятий платоновской критики письма: филологический подход к «Федру» 274b–278e / Пер. М. Буланенко // Платоновские исследования. Вып. III (2015/2) / Под ред. И.А. Протопоповой. М.–СПб.: Платоновское философское общество; РГГУ; РХГА, 2016. С. 80–91.
- Челидзе 1981 — *Челидзе М.И.* «Неписаная» философия Платона с позиции «неписаной» диалектики // Вопросы философии 7 (1981). С. 127–132.
- Шичалин 2000 — *Шичалин Ю.А.* Истории античного платонизма в институциональном аспекте. М.: «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2000.

- Шичалин 2008 — Шичалин Ю.А. Альбин // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: «Прогресс-Традиция», 2008. С. 101–102.
- Cherniss 1944 — *Cherniss H.* Aristotle's Criticism of Plato and Academy. Vol. 1. Baltimore: The John Hopkins Press, 1944.
- Cherniss 1945 — *Cherniss H.* The Riddle of the Early Academy. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1945¹.
- Düring 1956 — *Düring I.* Aristotle and Plato in the mid Fourth Century // *Eranos* 54 (1956). P. 109–120.
- Düring 1957 — *Düring I.* Aristotle in the ancient biographical tradition. Göteborg; Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1957.
- Gaiser 1959 — *Gaiser K.* Protreptik und Paränese bei Platon: Untersuchungen zur Form des platonischen Dialogs. Stuttgart: W. Kolhammer, 1959.
- Gaiser 1963 — *Gaiser K.* Platons Ungeschriebene Lehre. Studien zur systematischen und geschichtlichen Begründung der Wissenschaften in der Platonischen Schule. Stuttgart: Ernst Klett, 1963.
- Guthrie 1978 — *Guthrie W.K.G.* A History of Greek Philosophy. Vol. V: The Later Plato and the Academy. Cambridge University Press, 1978.
- Krämer 1959 — *Krämer H. J.* Arete bei Platon und Aristoteles. Zum Wesen und Geschichte der platonischen Ontologie. Heidelberg: Carl Winter, 1959.
- Krämer 1964 — *Krämer H. J.* Der Ursprung der Geistmetaphysik. Untersuchungen zur Geschichte des Platonismus zwischen Platon und Plotin. Amsterdam: P. Schippers, 1964.
- Krämer 1990 — *Krämer H. J.* Plato and the Foundations of Metaphysics. A Work on the Theory of the Principles and Unwritten Doctrines of Plato with a Collection of the Fundamental Documents / Ed. and translated by J.R. Catan. SUNY Press, 1990.
- Szlezák 1985 — *Szlezák T.A.* Platon und die Schriftlichkeit der Philosophie. Interpretationen zu den frühen und mittleren Dialogen. W. de Gruyter, 1985.
- Szlezák 2004 — *Szlezák T.A.* Friedrich Schleiermacher und das Platonbild des 19. und 20. Jahrhunderts // Protestantismus und deutsche Literatur (Münchener Theologische Forschungen 2) / Hrsg. von J. Rohls und G. Wenz. Göttingen, 2004. S. 125–144.
- Thesleff 1982 — *Thesleff H.* Studies in Platonic Chronology. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1982. (Commentationes Humanarum Litterarum 70.)
- Tigerstedt 1977 — *Tigerstedt E.N.* Interpreting Plato. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1977.
- Vlastos 1963 — *Vlastos G.* Review of H.J. Krämer. *Arete bei Platon und Aristoteles* // *Gnomon* 41 (1963). P. 641–655.